

В. В. Шведов

УРАЛЬСКАЯ МИЛИЦИЯ В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1929 – 1930 гг.

(По материалам обзоров ОГПУ и воспоминаниям участников)

В 1920–1930-е гг. в официальной политике Советского государства особое место занимала борьба с Русской православной церковью и другими конфессиями. Народы, населявшие территорию страны, лишались веры предков, спасавшей их в годы лихолетья. Вместо религии насаждалась новая идеология, базировавшаяся на атеизме и безбожии. Проводилась активная антирелигиозная пропаганда, создавалась разветвленная сеть обществ и периодических изданий антирелигиозного толка. В быт советских людей в противовес религиозным праздникам внедрялись социалистические.

Повсеместно закрывались церкви, их имущество изымалось. Ценности при этом направлялись на «борьбу с голодом», святые мощи передавались в музеи, колокола – в переплавку. В феврале 1930 г. ЦИК и СНК принимают постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». После этого репрессии против духовенства усиливаются, увеличивается налоговое обложение церковнослужителей. Упрощается и порядок закрытия церквей: решение этого вопроса передавалось облисполкомам и крайисполкомом Советов. Все эти мероприятия вызывали возмущение населения. Люди всем миром выходили на защиту православных святынь. Только вооруженным путем или под страхом оружия властям удавалось разгонять верующих, давая возможность превращать церкви в клубы и склады.

Обзоры и сводки ОГПУ о положении в СССР, которые готовились в эти годы для руководства страны, содержат уникальные материалы о том, как относилось население к закрытию православных церквей и храмов, и о том сопротивлении, которое оказывалось проводимой государством антирелигиозной политике¹.

Как свидетельствуют эти документы, количественный рост массовых выступлений на религиозной почве наблюдается с конца 1928 г. Если за первую половину 1928 г. по стране было зарегистрировано 19 массовых выступлений подобного характера, то во второй половине 1928 г. зарегистрировано 24 выступления, а за время с 1 января по 10 мая 1929 г. –

уже 37 (из них 27 выступлений в апреле – мае). При этом в 1928 г. волнения на религиозной почве составляли около 6 % всех массовых выступлений, за январь – май 1929 г. – 22 %².

Рост числа массовых выступлений на религиозной почве сотрудники Отдела информации и политконтроля ОГПУ объясняли общим обострением классовой борьбы в деревне, «активизацией кулачества и антисоветских элементов, стремившихся объединить вокруг себя широкие слои населения и повести их на открытые антисоветские выступления, действуя на религиозные чувства крестьянства»³. Руководящую роль в подавляющем большинстве выступлений аналитики отводили духовенству, торговцам и кулакам. Так, например, по 65 массовым выступлениям за 1928–1929 гг. непосредственными инициаторами являлись: духовенство и церковники – 44 случая, торговцы – 5, кулаки – 21, бедняки и середняки – 4. Основной контингент участников религиозных выступлений формировался преимущественно из женщин (в расчете на меньшую их ответственность). Мужчины в числе участников выступлений составляли лишь незначительный процент и обычно играли пассивную роль⁴.

Участники выступлений, как правило, созывались по условному знаку – набатному звону⁵. При этом в отдельных случаях руководители выступлений пытались установить связь с другими селами и вовлечь последних в совместные выступления. В ряде случаев массовые выступления на религиозной почве сочетались с недовольством среди населения на почве продзатруднений, хлебозаготовок и т. п. Поэтому многие выступления по причине закрытия церкви происходили под лозунгами «Долой советскую власть!» и «Долой хлебозаготовки!»

На Урале, как и в целом по стране, всплеск религиозных выступлений приходится на вторую половину 1928-го – 1929-й г. Так, в Тагиле в конце 1928 г. священнослужители пропагандировали среди рабочих забастовку протеста против предполагаемого закрытия церквей⁶. Рабочие завода «Карабаш» в Свердловском округе постановили закрыть церковь и передать ее под школу-семилетку. Комиссия по приему этой церкви, столкнувшись с толпой верующих в 150 человек, вызвала взвод военизированной охраны. Несмотря на это, церковь закрыть не удалось⁷.

Неоднократно в сводках ОГПУ упоминается поселок Кумляк Уйского района Троицкого округа. В конце 1928 г. собрание бедноты (присутствовало 142 человека) постановило закрыть церковь и передать ее под школу. Крестьяне – около 800 человек, организованных местным священником, – выступили с протестом. Церковь не закрыли⁸. В начале 1929 г. священник два раза набатом созывал тысячную толпу. Явившись к сельсовету, люди протестовали против работы заготовительных организаций, требовали созвать «народное собрание». Пытаясь заручиться поддержкой рабочих, крестьяне выбрали делегацию для поездки в г. Златоуст⁹. Несколькими меся-

цами позже толпа крестьян (до 800 человек) выступила против предполагаемого закрытия церкви и потребовала возвращения выселенного из села священника, угрожая в противном случае самосудом председателю сельсовета и секретарю ячейки ВКП(б)¹⁰.

Подобные волнения, как правило, носили весьма острый характер и сопровождались срывом проводимых на селе мероприятий, избиениями или попытками убийства работников советского аппарата, в единичных случаях, – разгромом общественных зданий. Поэтому не случайно особая роль в антирелигиозной кампании отводилась милиции.

Милиция на рубеже 1920–1930-х гг. занимала особое место в системе низового административного аппарата. Представляя государственную власть, она была призвана выполнять охранительно-регулятивную функцию, обеспечивая безопасность и порядок в повседневной жизни. Но на практике ей приходилось выполнять не свойственные ей репрессивные обязанности, защищая от народа представителей власти.

Нормативно-правовая база, регулирующая деятельность милиции в 1920-е гг., определяла ее как вооруженный исполнительный орган. Исполнительный характер милиции предполагал не только выполнение функций, возложенных на НКВД, но также содействие органам других ведомств при проведении последними в жизнь возложенных на них заданий. Это привело к тому, что роль и место милиции в системе правоохранительных органов оценивались весьма низко. На Втором съезде административных работников (апрель 1928 г.) руководители органов милиции разного уровня отмечали, что милиция – это технический исполнитель. «Мы направляем милицию как раз в такие области работы, где больше всего возбуждается недовольство крестьян», – отмечали выступавшие¹¹.

Во время проведения различных кампаний милиция должна была пресекать все враждебные действия со стороны населения, задерживать и доставлять в райотдел нарушителей правопорядка. Но стражи порядка были очень слабо подготовлены к этому¹².

Районный инспектор жаловался, что зимой 1930 г. он должен был в одном месте противостоять кулацкой агитации за саботаж колхозов; священникам и их пособникам, не позволявшим закрыть церковь, – в другом; кулакам и попам, сопротивлявшимся раскулачиванию, – в третьем; убою скота – в четвертом; беспорядкам на лесоповале – в пятом. Начальство в районном отделении милиции, по его мнению, помогало только «бумажными инструкциями». При этом транспортом его никто не обеспечивал¹³. Тем не менее милиция активно принимала участие в кампаниях на селе. Уральская областная милиция в 1930 г. отправила в деревню только для борьбы с кулацкими элементами около трех тысяч человек. В это число входили курсанты и резервисты кавалерийских частей милиции¹⁴. Но, даже задействовав все резервы, милиция не могла эффективно проти-

востоять народному гневу. Вот как описано аналитиками ОГПУ массовое выступление крестьян в селе Черепаново Боткинского района Саратовского округа 10 июня 1929 г.

Здание черепановской церкви в декабре 1928 г. технической комиссией было признано негодным для дальнейшей эксплуатации. Церковное имущество крестьяне перенесли в один из домов на селе, где и происходили церковные службы. В июне райком решил окончательно ликвидировать церковь, сняв с нее кресты и колокола. Для этого 10 июня в село прибыла комиссия в составе зам. начальника милиции Ижболдина, зав. райместхозом Курочкина, уполномоченного РИКа Ермолаева (он уже работал в этом селе в период заготовительной кампании) и двух милиционеров. Членов комиссии около церкви встретила толпа женщин в количестве до 40–50 человек во главе со священником Крыловым и двумя членами церковного совета. К прибывшим толпа отнеслась враждебно. В адрес Ермолаева кричали: «Бей его, тогда он не будет больше ездить по хлебозаготовкам!». Члены комиссии, не обращая внимания на возмущение толпы, направились в церковь. Ермолаев не снял головного убора и вошел с папиросой во рту. Священник остановил членов комиссии, заявляя, что в церкви курить и входить в шапке нельзя. Священнослужитель комиссией тут же был арестован и отправлен с милиционером в село. Верующие, увидев это, ударили в колокол. Набатный звон собрал к церкви толпу крестьян до 300 человек. Некоторые из них были вооружены кольями. К храму прибыла и толпа из соседнего села Дремина. Зам. начальника милиции отправил арестованного священника на лошади в районный центр Воткинск. Вернувшись к церкви, под напором толпы милиционер вынужден был с другими членами комиссии покинуть село. Около реки Сивы толпа нагнала беглецов. Сдерживая толпу, члены комиссии обнажили револьверы и начали стрелять в воздух. Это не помогло. Набросившись на Ермолаева, крестьяне проломили ему колом голову. Члена комиссии Курочкина били камнями и прекратили избиение только после заявления о том, что он приехал в село не для закрытия церкви, а по проверке противопожарных мероприятий. В доказательство этого Курочкин показал нападавшим командировочный документ¹⁵. Ижболдина крестьяне пытались бросить в воду, но он, оставив в руках толпы плащ и портфель, бросился вплавь через реку и таким образом спасся. Избитый Ермолаев спасся от смерти только тем, что, раздевшись, также переплыл реку. После бегства членов комиссии толпа возвратилась в село, где устроила дежурство около церкви.

Через 3–4 часа из Воткинска в село прибыли секретарь райкома, председатель РИКа и другие работники. Около церкви их встретила группа крестьян, которая звоном в набат вновь собрала толпу. Несмотря на

вынесенное 10 июня на пленуме сельсовета решение о необходимости ликвидации церкви, крестьяне продолжали ее охранять до 12 июня.

Анализируя эту ситуацию, сотрудники ОГПУ называют следующие причины случившегося. В свое время перед посылкой комиссии в с. Черепаново райуполномоченный ОГПУ заявлял секретарю райкома ВКП(б) о несвоевременности закрытия церкви, так как, учитывая недовольство населения усиленным нажимом по хлебозаготовкам, изъятие церкви могло лишь обострить положение. Секретарь райкома, не послушав уполномоченного ОГПУ, заявил, что ничего страшного нет и послал комиссию в с. Черепаново без согласования этого вопроса с бюро райкома ВКП(б).

По сведениям ОГПУ, население с. Черепаново в прошлом на 70 % отступало вместе с белыми. В селе нет ни коммунистов, ни комсомольцев. Всей общественной работой руководили чуждые советской власти лица, сидевшие в аппарате сельских организаций, в частности председатель сельсовета, бывший белый, находится под влиянием церковного старосты. Зам. председателя сельсовета, бывший доброволец-белогвардеец, состоял членом церковного совета. Большинство членов сельсовета (также бывшие белые) принимали участие в выступлении¹⁶.

В хранилищах Свердловского музея истории милиции, помимо материалов делопроизводственной документации и личных дел, переданных в музей в конце 1980-х гг. из Информационного центра УВД Свердловского полка, собраны воспоминания людей, служивших в уральской милиции в разные годы. Эти источники личного происхождения отражают индивидуальные представления об историческом опыте и представляют субъективный взгляд на исторические факты, тем не менее дают очень красочную картину происходивших событий. Вот как описывается ветеранами милиции проведение антирелигиозной кампании в Сысертском районе.

В начале 1930 г. в Сысерти появились афиши с сообщением о том, что скоро в местном театре состоится инициированное райкомом партии публичное отречение от сана священника Ивана Луговых. В объявленное время в театре собрался почти весь поселок: сельчанам даже не хватило мест – стояли и в проходах и на галерке. Собрание открыл председатель поселкового совета Иван Николаевич Павлинов. Он предоставил слово Ивану Луговым. Тот вышел на трибуну в подряснике, с крестом на груди. Его речь длилась не менее 40 минут. Он рассказывал о религии. Закончил свое выступление Луговых словами «...религия не что иное, как обман, опиум для народа. Я более не слуга церкви и отрекаюсь от своего сана». Сняв с себя крест, он положил его на стол президиума.

Зал взорвался... Шум, крики, плачь. Старики и старухи кричали: «Жулик!», «Мерзавец!», «Проходимец!».

Когда немного успокоились, председательствующий спросил граждан:

– Какие будут вопросы и предложения.

Опять поднялся шум ...

– Если вопросов нет, есть предложение закрыть все церкви, – продолжил Павлинов.

Предложение присутствующими принимается¹⁷.

На следующий день школьники с санками прошли по поселку, собирая у населения иконы. Их свозили на площадь к зданию райисполкома и сваливали в общую кучу. Икон было очень много, несколько сотен. К 5 часам вечера на площадь собрали жителей поселка, провели митинг, после чего облили иконы керосином и сожгли¹⁸.

В марте 1930 г. в поселок пришло постановление облисполкома об утверждении решения жителей Сысерти о закрытии церквей. Из местного собора ночью были изъяты и направлены в Свердловск основные ценности. Но верующие не собирались сдаваться. По инициативе старосты собора и его дочери у храма было организовано дежурство¹⁹.

Для изъятия остального церковного имущества райисполком создал комиссию в составе пяти человек. От сысертской милиции в комиссию входил помощник начальника райотдела Ион Александрович Шевелев. Возглавлял комиссию председатель поселкового совета Иван Николаевич Павлинов²⁰.

Днем члены комиссии направились к церкви. Как только они вошли внутрь храма, ударил колокол. Со всего поселка к церкви стал стекаться народ. Когда на место прибыли милицейское подкрепление во главе с начальником райотдела милиции Иваном Ивановичем Денисовым и районное руководство, вся паперть уже была заполнена верующими, главным образом стариками и старухами. Комиссия заперлась в церкви²¹.

Собравшиеся жители заявили, что не согласны с закрытием и что ими посланы представители в область и Москву. До их возвращения церковь просили не закрывать и имущество не трогать. Верующие вели себя очень агрессивно. И. А. Шевелев предложил членам комиссии покинуть церковь через подвал. С ним не согласились²².

Осада продолжалась более трех часов. Посоветовавшись, руководство района решило приостановить работу комиссии и вызволить ее из церкви. Для этого надо было оттеснить собравшийся народ с паперти и освободить коридор для эвакуации заблокированных в здании. Сотрудники милиции справились с этой задачей, и члены комиссии стала покидать церковь. В них полетели камни, бутылки с молоком, палки. Один старик подскочил сзади к Павлинову и ударил его метровой палкой по голове. Тот упал. Начальник милиции Денисов выхватил из кобуры наган и несколько раз выстрелил в воздух. Народ на минуту отхлынул. Подхватив

на руки Павлинова, милиционеры и члены комиссии стали отходить к райисполкому²³.

Толпа верующих двинулась за ними, не переставая кидать камни. Один из камней попал в голову милиционера Баталова. Он упал, выронив из рук наган. Раненого милиционера также пришлось уносить. Вскоре обоих пострадавших на лошади направили в больницу. Не дойдя трехсот метров до райисполкома, верующие остановились. Они вернулись к церкви и установили дежурство, никого не допуская к своей святыне.

Начальник милиции И. И. Денисов часто восхищался организацией этой охраны. «Не успеешь подойти, тебя уже окликают», – говорил он²⁴. Вскоре из Свердловска расследовать бунт верующих прибыли работники ОГПУ. В августе 1930 г. дело рассматривалось областным судом²⁵.

Подобные факты не только серьезно подрывали авторитет милиции среди населения, но и вызывали недовольство работой этой правоохранительной структуры со стороны руководства государства. Низкая эффективность деятельности органов внутренних дел во время проведения антирелигиозной кампании 1929–1930 гг. стала одной из многих причин ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик и распределения их функций между другими ведомствами.

31 декабря 1930 г. ВЦИК и СНК приняли постановление «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации Наркомвнудела РСФСР и Наркомвнуделов автономных республик». По этому постановлению на созданное при СНК РСФСР Главное управление милиции и уголовного розыска было возложено руководство и управление органами милиции и уголовного розыска. 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли секретное постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска». ОГПУ СССР и его местные органы получили право назначения, перемещения и увольнения руководящих работников органов уголовного розыска и милиции, их инспектирования и контроля. В конце 1931 г. в составе ОГПУ СССР была создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску. Таким образом, была осуществлена централизация органов милиции в масштабе Советского Союза, ослабление ее связей с органами власти различного уровня. Началось широкое и активное подключение аппаратов милиции к политическому сыску, вовлечение правоохранительных структур в процесс начавшейся бюрократизации и централизации государственного аппарата, формирование командно-административной системы. Это соответствовало общей тенденции развития общества и государства. Милиция становилась реальным механизмом репрессивной системы, необходимой государству для решения своих внутривластных задач.

- ¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934) / Ин-т российской истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ. М., 2003. Т. 6–7.
- ² См.: Там же. Т. 7. С. 204.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: Там же.
- ⁵ См.: Там же. С. 205.
- ⁶ См.: Там же. Т. 6. С. 541.
- ⁷ См.: Там же. С. 595.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Т. 7. С. 162 – 163.
- ¹⁰ Там же. С. 584
- ¹¹ Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 242.
- ¹² Состояние и работа местных органов НКВД (по материалам с I/X 29 г. по I/II 30 г.) // Административный вестник. 1930. № 4. С. 60 – 61.
- ¹³ В районе сплошной коллективизации // Там же.
- ¹⁴ Кизилев И.И. НКВД РСФСР (1917–1930). М., 1969. С. 149.
- ¹⁵ «Совершенно секретно»... Т. 7. С. 315–316.
- ¹⁶ Там же. С. 316.
- ¹⁷ События воспроизводятся по воспоминаниям Иона Александровича Шевелева. В Сысертской милиции работал с 1928 по 1934 г. В 1930 году занимал должность помощника начальника райотдела милиции, а также Александра Кирилловича Репина, работавшего в органах милиции Сысертского района в 1929–1930 гг. в должности участкового инспектора. Материалы датируются январем и мартом 1967 г. Они были подготовлены по запросу Сысертского отдела милиции и в дальнейшем переданы в Свердловский музей истории милиции.
- ¹⁸ Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 34. Л. 13.
- ¹⁹ Там же. Л. 14.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 21.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 14.
- ²⁴ Там же. Л. 22.
- ²⁵ Там же. Л. 14.